

МАКСИМОВ Антон Михайлович, кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социологии института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 17 научных публикаций

РОССИЙСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СВЕТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ И МИР-СИСТЕМНОЙ ТЕОРИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ КОНЦА XIX века

Критический анализ теории модернизации применительно к истории российских трансформаций выявил ее методологическую и прикладную ограниченность. Обращение к мир-системной теории позволяет дать более убедительную интерпретацию хронических трудностей перехода России к обществу с развитыми рыночными и демократическими институтами. На примере индустриального развития Российской империи 1890-х годов автор демонстрирует значительные познавательные возможности мир-системного анализа по сравнению с модернизационным подходом. В контексте мир-системной теории И. Валлерстайна структурная позиция Российской империи рубежа XIX–XX веков определяется как полупериферийная. Гипотеза о полупериферийном развитии России позволяет объяснить как скачкообразный экономический рост за счет опережающего развития транспортной инфраструктуры и отдельных отраслей промышленного производства, так и зависимость этого процесса от внешних факторов, в частности динамики импорта иностранного капитала и мировых цен на экспортные товары. Полупериферийный характер экономики Российской империи объясняет и высокую степень присутствия государства в экономической системе. В условиях низкого уровня накопления капитала внутри страны и, как следствие, отсутствия значительного числа рыночных агентов государство выступает как проводник индустриализации и связанных с ней социальных трансформаций, активно вмешиваясь в процессы движения товаров, труда и капитала. Такая роль государства до некоторой степени объясняет сохранение авторитарности режима в России конца XIX – начала XX века. Необходимость централизованного контроля экспортно-импортных операций с целью поддержания внешнеторгового баланса, а также управления из единого центра финансовыми потоками и рабочей силой, привлекаемыми для реализации инфраструктурных проектов, препятствовала не только развитию рыночных институтов, но и росту политического влияния российского предпринимательства и среднего класса. В свою очередь консервация такого рода политического порядка существенно ограничивала возможности экономического роста и закрепляла за страной статус полупериферийной державы.

Ключевые слова: модернизация, мир-системная теория, Российская империя, индустриализация, капиталистическая мир-система, периферийное развитие.

Задачи институционального, технологического и идеологического обновления постсоветской России не сходят с политической повестки дня уже в течение многих лет. Традиционно решение этих задач рассматривается российской элитой сквозь призму модернизационного подхода. При этом разнообразные стратегии модернизации, предлагаемые многочисленными экспертными группами и академическими учреждениями в качестве исходной посылки, содержат в себе общую идею: российское общество признается отстающим в своем развитии от передовых стран, и, следовательно, цель заключается в преодолении этого отставания. Данная идея, имплицитно включающая в качестве желаемого результата модернизации вполне конкретную модель общественного устройства, исторически сложившуюся первоначально в западноевропейском регионе и Северной Америке, весьма характерна для российских реформаторов и давала о себе знать в разные эпохи [1, с. 53–71].

Вместе с тем попытки реализации модернизационных проектов в России в период с конца XVII до конца XX века имели лишь частичный успех. Особенности российских трансформаций и их результаты служат достаточным основанием для сомнений в адекватности как прикладного инструментария, так и методологических предпосылок теории модернизации. Таким образом, критика модернизационного подхода применительно к России и поиск теоретических альтернатив являются актуальными научными задачами. В настоящей статье предпринят сравнительный анализ объяснительных возможностей модернизационной и мир-системной теорий применительно к индустриализации экономики Российской империи в конце XIX – начале XX века.

Исторически теория модернизации возникла как достаточно идеологизированное и вместе с тем прагматическое течение в американской общественной мысли. В числе тех, кто стоял у ее истоков, такие исследователи, как М. Леви [2], У. Росту [3], Ш. Эйзештадт [4] и др. В контексте холодной войны теория модернизации выполняла функцию обоснования

возможности и желательности развития стран третьего мира в направлении индустриализации их экономик, демократизации политических систем, рационализации и секуляризации локальных этнических культур [1, с. 31–32].

Методологической основой теории модернизации первоначально стал эволюционизм, что позволило ей обзавестись собственной академической традицией и усилить научную респектабельность. Были заимствованы категориальный аппарат и многие объяснительные гипотезы эволюционизма. Так, полностью укладывался в рамки эволюционистских представлений тезис о том, что повторение обществами Азии, Африки и Латинской Америки траектории социального развития стран Запада необходимо и фактически неизбежно в силу либо внутренней структурно-функциональной дифференциации как результата общественного разделения труда, либо адаптации социальных структур к условиям международной конкуренции с индустриально развитыми демократическими государствами [5, с. 175–176].

Классическая версия теории модернизации, оформившаяся в 1950–1960-е годы, опиралась на следующие принципы:

- 1) модернизация приводит к фундаментальным изменениям общественных структур и институтов, знаменующих разрыв между традиционным и современным обществами;
- 2) модернизация – комплексный, системный процесс: радикальные изменения происходят параллельно в экономике, политике и культуре;
- 3) модернизация – явление универсальное: все общества рано или поздно должны трансформироваться в современные, модель которых основана на социальных порядках западных стран;
- 4) модернизация – процесс, продолжительный по времени и предполагающий прохождение обществом определенной последовательности стадий;
- 5) модернизация ведет к гомогенизации социальных систем;
- 6) изменения, происходящие в процессе модернизации, имеют необратимый характер;

7) результаты модернизации ассоциируются с общественным прогрессом [1, с. 28–31].

На рубеже 1960–1970-х годов теория модернизации подвергается серьезной ревизии как в связи с методологическими изъянами, так и рассогласованием между гипотетическими конструкциями и эмпирическими данными [5, с. 178–179]. Под ударом критики оказалось несколько ключевых положений теории: 1) единство сценария модернизации для любых традиционных обществ; 2) жесткая последовательность этапов модернизации и ее необратимый характер; 3) приемлемость лишь западной модели современного общества в качестве образца и ориентира для традиционных обществ (модернизация, понимаемая как вестернизация). Кроме того, слабость теории сказывалась в ошибочности ее прогнозов относительно сроков, синхронности и результатов модернизации в отдельных развивающихся странах. Наконец, следование правительств этих стран практическим рекомендациям, основанным на положениях теории модернизации, во многих случаях не привело к устранению экономической и технологической отсталости, равно как и замене традиционных политических структур и систем ценностей современными.

Позже опыт посткоммунистических трансформаций реанимировал интерес к теории модернизации, новая версия которой формулировалась с учетом предшествующей критики. Однако даже с допущением новой версией теории модернизации поливариантности трансформационных процессов, их непоследовательности и асинхронности в разных сферах социальной жизни остается в силе интерпретация модернизации традиционных обществ как сокращения дистанции между ними и современными обществами Запада.

Ретроспективно сторонники теории модернизации относят ее первую волну к фундаментальным трансформациям европейских обществ в период XVII–XIX веков [4, с. 1]. Несложно заметить, что в эти хронологические рамки укладываются первые российские проекты преобразования традиционного общества – от церковной

реформы патриарха Никона до индустриализации времен правительства С.Ю. Витте. Этот параллелизм трансформационных процессов в Западной Европе и России так же, как и близость векторов их развития, подталкивал исследователей к принятию теории модернизации в качестве концептуальной модели для объяснения логики развития российского социума и государства в Новое время.

Фактически общим местом становится тезис о том, что любой реформаторский курс в России с XVII–XVIII веков вне зависимости от его конкретно-исторических причин был нацелен на преодоление экономико-технологического, военно-политического и культурного отставания от европейских держав. При этом достижение указанной цели представляется сторонникам модернизационного подхода принципиально возможным. Однако, как отмечалось выше, периодически возобновляемые на протяжении нескольких последних столетий попытки модернизировать Россию никогда не достигали полного успеха, а эпохи реформ с завидным постоянством сменялись периодами контрреформ и реставрации ранее сложившихся порядков. Исторический опыт трансформаций российского социума создает дополнительные теоретические затруднения для адептов теории модернизации. В частности, каждый раз, когда попытки преобразований в России терпят частичную или полную неудачу, им приходится искать объяснение *ad hoc* для подобного развития событий, что, разумеется, снижает эвристическую ценность исходных теоретических посылок.

Вместе с тем специфические трудности перехода России от традиционного общества к современному успешно объясняются с альтернативных теоретических позиций, представленных мир-системной теорией (*world-systems theory*). Разработанный в трудах И. Валлерстайна, С. Амина, А.Г. Франка мир-системный анализ предлагает рассматривать мировые исторические процессы начиная с «длинного» XVI века (1453–1648 годы) как системные [6, с. 7]. Причем по мере развития капитализма в Европе и распространения его в других частях

света усиливается интеграция отдельных регионов и стран в рамках «современной мир-системы» (modern world-system). Это означает, что ракурс теоретического анализа должен быть перемещен с отдельных политических и культурных единиц, под которыми понимаются отдельные государства, на капиталистическую мир-систему, выступающую реальным субъектом исторического процесса [7, с. 75].

Современная мир-система, формирование которой И. Валлерстайн связывает с территориальным расширением капиталистических отношений, имеет трехчастную структуру: в ней выделяются ядро, полупериферия и периферия, связанные особым характером разделения труда и определенными формами неэквивалентного обмена. В частности, в ядре мир-системы происходит накопление капитала и из него же осуществляется распределение большей части инвестиций, тогда как периферия используется ядром в качестве источника дешевых рабочей силы и сырьевых ресурсов. Полупериферия сочетает признаки двух других структурных элементов мир-системы и опосредует отношения между ними [6, с. 31–32].

Логика развития обществ периферии и полупериферии диктуется экономическими процессами, происходящими в странах ядра мир-системы: структурные и/или количественные изменения в передовых капиталистических странах ведут к росту экономик развивающихся стран и формированию отдельных современных институтов (например, парламентаризма или общедоступного профессионального образования). Вместе с тем на протяжении XIX–XX веков в системе «ядро – полупериферия – периферия» разрыв по большинству социально-экономических показателей оставался более или менее устойчивым [8, с. 28–29]. Такое положение дел с позиций мир-системной теории объясняется фундаментальным принципом функционирования капиталистической мир-системы: для своего воспроизводства она нуждается в поддержании механизма неравномерного распределения ресурсов между ядром и периферией не в пользу последней, что и делает относительную соци-

ально-экономическую отсталость периферийных (равно как и полупериферийных) обществ константой их истории.

Иллюстрацией данной закономерности может служить опыт русской индустриализации 1890–1900-х годов, к более детальному рассмотрению которого мы и обратимся. В последней четверти XIX века экономика Российской империи вступила в эпоху индустриализации. Экономический подъем этой эпохи выявил новые для страны драйверы роста – ими стали производства в отраслях тяжелой индустрии: железнодорожное строительство и связанная с ним металлургия, отчасти машиностроение, топливная и химическая промышленность. В период с 1890 по 1899 год железнодорожная сеть в России выросла на 20,5 тыс. верст [9, с. 99], металлургическое производство – на 793 %, химическое – на 274 %, горнодобывающая отрасль – на 372 % [10, с. 26], а общий прирост промышленной продукции с 1892 по 1899 год составил 73 % [11, с. 486–490].

Среди факторов промышленного роста 1890-х годов следует указать, во-первых, активное государственное вмешательство в экономику страны – как в форме прямых государственных инвестиций, субсидий частным компаниям, контрактов для национальной промышленности, так и в протекционистских мерах по защите отечественных товаропроизводителей от иностранной конкуренции [12, с. 68–69]; во-вторых, приток иностранного капитала, который стимулировался высокими процентными ставками по облигациям, введением золотого стандарта и отчасти тарифными барьерами, подталкивавшими некоторые иностранные компании к развертыванию производства на территории империи вместо импорта товаров [13, с. 41–44]. Внутреннее накопление капитала также росло, но недостаточными для потребностей промышленности темпами. Во многом такое положение дел было связано с отсутствием в Российской империи предпосылок для повышения уровня товарности и рентабельности хозяйств большинства сельских производителей, которые могли быть созданы только благодаря масштабной аграрной реформе [14, с. 534; 15, с. 373].

Тем не менее, несмотря на трудности внутреннего накопления капитала и сохранение пережитков натурального и феодального хозяйства, многолетний промышленный рост, развитие транспортной инфраструктуры и расширение внутреннего товарооборота [14, с. 525–526] укрепление национальной валюты, банковской системы и благоприятный инвестиционный климат [10, с. 40–41], все это производило впечатление, что Российская империя медленно, но верно выдвигается в число ведущих капиталистических держав. Однако набравшая обороты в начале 1890-х годов индустриализация российской экономики к концу десятилетия достигла своих пределов. Завершение крупных инфраструктурных проектов, таких как строительство Транссибирской магистрали (к 1898 году железная дорога была доведена до Иркутска), неблагоприятная для российского экспорта конъюнктура на европейском рынке зерновых, удорожание иностранного кредита и отток капитала в условиях кризиса 1900–1903 годов привели хозяйственную систему страны в состояние кризиса и затяжной депрессии [16].

С позиций теории модернизации объяснение незавершенности индустриализации и товаризации экономики в Российской империи могло бы свестись к указанию на совокупность неблагоприятных внешних и внутренних факторов, не только вышеупомянутых экономических, но и политических, например, таких как обострение классовой борьбы в городах или русско-японская война 1904–1905 годов [9, с. 68–70].

Вместе с тем необходимо обратить внимание, что индустриальный рывок стал возможен благодаря нарастающей интеграции хозяйства Российской империи в мировую систему капитализма, что закономерно усилило зависимость темпов развития и отраслевой структуры экономики от мирохозяйственных процессов, а также от функциональной позиции России в системе внешнеэкономических отношений.

С позиций мир-системной теории ограниченные социально-экономические эффекты индустриализации конца XIX века объясняются

как закономерное следствие полупериферийного статуса Российской империи в капиталистической мир-системе. В частности, полупериферийность российского государства проявилась в характере движения товаров и капиталов между Россией и европейскими странами.

Выше уже указывалось на значительные масштабы привлечения иностранного капитала для финансирования развития отечественной промышленности. Осуществлялся этот процесс через механизмы государственных займов, корпоративных займов отечественных предприятий и банков, а также прямых пакетных инвестиций (долевое участие в российских акционерных обществах, создание иностранных компаний на территории империи и т. п.). Возможности для столь существенных «вливаний» в экономику Российской империи были связаны с переизбытком свободных капиталов на европейских рынках [17, с. 274] и сравнительно высокой доходностью облигаций на российских биржах [13, с. 71]. Однако следствием притока капитала из-за рубежа стал рост внешнего долга России. Так, в период с 1885 по 1897 год его среднегодовой прирост составлял 85 млн р. [13, с. 42–43, 68], а общая задолженность государства в связи с его возросшей ролью в промышленном развитии и финансовых операциях к 1900 году равнялась сумме в 6 275 млн р. [18, с. 51].

Кроме того, зависимость от иностранных инвестиций негативно сказывалась на потенциале экономического роста импортирующей его страны: в условиях перемещения капитала в зоны с более высокой доходностью и/или удорожания кредита на внешних рынках может наблюдаться значительный дефицит инвестиций, что при недостаточном уровне внутреннего накопления фактически означает стагнацию для всего хозяйства страны. Подобный эффект со всей наглядностью проявился в период кризиса и последующей депрессии в экономике Российской империи (1900–1908 годы) [19, с. 36–37].

Обслуживание внешнего долга в конечном итоге требовало поддержания положительного внешнеторгового баланса, что в свою очередь

вынуждало правительство проводить политику наращивания основных экспортных статей (прежде всего зерна) даже в условиях неблагоприятной конъюнктуры. Более того, при многолетнем снижении цен на пшеницу, рожь и ячмень [20, с. 203] для сохранения стоимости экспорта его приходилось наращивать в натуральном исчислении. Так, в период между 1884 и 1904 годом хлебный экспорт возрастал на 3,5 % в год, тогда как производство зерна – на 2,5 % [13, с. 35]. Поскольку наиболее товарным на рубеже XIX–XX веков оставались помещичьи хозяйства, российское правительство было заинтересовано в сохранении системы крупного помещичьего землевладения [14, с. 529–530]. На фоне крестьянского малоземелья последнее обстоятельство обостряло социальные конфликты в деревне, что подталкивало царское правительство к консервации жестких форм административного контроля над населением.

Полупериферийное положение Российской империи в капиталистической мир-системе порождало особенности ее социально-экономического и политического устройства: архаичность экономических институтов, таких как помещичьи латифундии, ключевая роль государства, а не рынка в организации хозяйственных отношений, сырьевой характер экспорта, несамостоятельность предпринимательского класса, а также сочетание экономических и внеэкономических инструментов эксплуатации сельскохозяйственного производителя [17, с. 292–293], возможное лишь при сохранении авторитарной политической системы, каковой и являлось российское самодержавие. Вместе с тем только в такой форме и была возможна интеграция России в мировую хозяйственную систему, что в свою очередь позволяло решать специфические задачи империи – развивать транспортную инфраструктуру, укреплять обороноспособность страны, осуществлять внутреннюю колонизацию.

Подвергнутый аналитическому обзору сценарий неудавшегося модернизационного рывка конца XIX века интересен тем, что имеет очевидные параллели с ситуацией последних лет, когда разговоры о необходимости масштабных инвестиций в инфраструктурные проекты сменились целенаправленными усилиями по реализации этих проектов за счет ресурсов государства¹. Хотя последовательное сопоставление экономических и социально-политических моделей Российской империи рубежа веков и постсоветской России на третьем десятилетии ее развития обнаруживает между ними принципиальные различия, для обоих случаев модернизаторских экономических проектов характерны некоторые общие обстоятельства. В числе наиболее значимых – зависимость российской экономики от импорта капитала и ключевая роль государственного участия в экономике при недостаточном развитии рыночных институтов, а самое главное – сохраняющееся полупериферийное положение России в мир-системе глобального капитализма [21].

Означает ли это, что России в очередной раз не удастся выйти на такую траекторию развития, которая позволит достигнуть высокого уровня эффективности экономики, социального благополучия и политической свободы граждан? Логика мир-системного подхода дает основание для оптимистических прогнозов, поскольку прогресс стран ядра капиталистической мир-системы ведет к ее прогрессивному развитию в целом, а значит, процесс этот захватывает и страны полупериферии. Так, индустриализация в Российской империи 1890-х годов стимулировала развитие отечественной банковской системы, создала условия для освоения новых территорий, запустила, пусть и временно, мультипликативный эффект в промышленности.

Вместе с тем существуют факторы риска, которые могут заметно снизить позитивные эффекты новых инфраструктурных проектов.

¹См.: О внесении изменений в федеральную целевую программу «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)»: постановление Правительства РФ от 15.05.2014 г. № 445 // Собр. законодательства РФ. 2014. № 21. Ст. 2702.

Прежде всего к ним относится недостаточная инвестиционная привлекательность экономики страны: годовая величина оттока капитала за период с 2010 по 2013 год составила в среднем 56,8 млрд долл., а в 2014 году только за первый квартал – почти 49 млрд долл.² Инвесторы сходятся во мнении, что наряду с экономическими причинами источником этой тенденции являются дисфункции правоохранительной и судебной систем, недостаточность гарантий защиты прав частной собственности [22, с. 64].

С этим связан другой фактор риска – высокий уровень коррупции в органах власти, что особенно опасно в условиях широкого участия государства в регулировании экономических процессов. Наконец, государственная политика последних нескольких лет демонстрирует возрастание своей непредсказуемости и непоследовательности. Это напрямую связано со слабой вовлеченностью общественности в процесс открытого обсуждения законодательных инициатив и правительственных решений, в ходе которого артикулировались бы различные социальные интересы и выработывалась целостная стратегия социально-экономического развития страны. Отсутствие равноправного диалога с частным бизнесом, экспертными и профессиональными сообществами закономерно приводит к растущей индифферентности последних к правительственным мероприятиям по модернизации институтов российской экономики, социального партнерства, образования и науки.

В данных условиях ведущим субъектом планирования, финансового и организационного обеспечения инфраструктурных проектов становится государство. Эта ситуация аналогична той, что наблюдалась в конце XIX века, когда российское государство стало фактически единственным актором, способным и готовым мобилизовать ресурсы для задач модернизации страны. Однако инструментарий мобилизации ресурсов государства ограничен, в большинстве

случаев сводясь к различным мерам фискальной политики, и это создает дополнительные риски. Учитывая зависимость доходной части российского бюджета от ценовой конъюнктуры на мировом рынке углеводородного топлива, реальной является возможность повторения сценария рубежа XIX – начала XX веков, когда снижение доходности экспорта сырья (зерновых) стало одной из фундаментальных причин резкого замедления темпов экономического роста.

Одним из способов компенсации выпадающих доходов в этой ситуации может быть увеличение налоговой нагрузки, но такого рода меры, позволяя нарастить финансирование отдельных высокотратных проектов, в конечном итоге вызывают замедление роста экономики и при этом усиливают инфляцию. Другим способом является привлечение иностранного заемного капитала (в условиях его дефицита на внутреннем рынке), прежде всего со стороны стран ядра капиталистической мир-системы. Однако в условиях обострения международной обстановки вокруг украинских событий 2014 года этот источник финансовых ресурсов оказался перекрыт для России на неопределенный срок.

Подводя итоги нашего анализа, отметим некоторые важные моменты. Во-первых, обращение к теории модернизации не позволяет объяснить ни того, чем обусловлена специфика процесса индустриализации в поздней Российской империи, ни вскрыть фундаментальных причин неполного развертывания данного процесса. Во-вторых, мир-системная теория в силу интерпретации органической связи российской истории с общемировой может служить удачной альтернативой модернизационному подходу и способствовать пересмотру представлений о логике российских трансформаций, что в свою очередь помогло бы скорректировать реформистскую стратегию в России XXI века. В-третьих, такая корректировка немыслима без готовности правящей

²См.: Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором в 2005–2013 годах и в I–II кварталах 2014 года. URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/capital_new.htm&pid=svs&sid=itm_18710 (дата обращения: 26.08.2014).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

элиты осуществить либерализацию политической системы страны для достижения открытого и равноправного диалога с экспертным и деловым сообществами. Последнее является необходимым условием успешной реализации актуальных инфраструктурных проектов, а в перспективе и смены модели экономического развития страны.

Список литературы

1. Алексеев В.В., Побережников И.В., Сенявский А.С. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX вв. М., 2000.
2. Levy M. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton, 1966.
3. Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960.
4. Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, 1966.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М., 1996.
6. Фурсов А. Капитализм сквозь призму мир-системного анализа // Валлерстайн И. Исторический капитализм. М., 2008. С. 6–72.
7. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М., 2006.
8. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: Россия и миросистема. М., 2012.
9. Корелин А.П., Степанов С.А. С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998.
10. Ронин С. Иностраннный капитал и русские банки. М., 1926.
11. Струмилин С.Г. Очерки по истории экономики России. М., 1960.
12. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000.
13. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): Новые подсчеты и оценки / пер. с англ. М., 2003.
14. Корелин А.П. С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России в конце XIX – начале XX века // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. М., 2001. С. 524–546.
15. Лященко П.И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927.
16. Голицын Ю. Черные дни Петербургской биржи // Эксперт-Online. 2008. № 1(640). 29 дек. URL: http://expert.ru/expert/2009/01/chernue_dni_peterburgskoi_birzhi/ (дата обращения: 13.12.2015).
17. Туган-Барановский М.И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Харьков, 1926.
18. Белоусов Р.А. Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. М., 2001. С. 37–52.
19. История России XX – начала XXI века / под ред. Л.В. Милова. М., 2007.
20. Китанина Т.М. Мировой аграрный кризис и политика Министерства финансов России в 1880-х – начале 1900-х гг. (к вопросу о модернизации системы государственных закупок) // Экономическая история: ежегодник. М., 2005. С. 199–236.
21. Осокина Н.В., Суворов А.С. О роли государства в процессе накопления общественного капитала в национальной экономике // Экономическая наука современной России. 2010. № 4. С. 7–13.
22. Инвестиционный климат России (результаты опроса существующих и потенциальных инвесторов, 2012 г.) // Право и инвестиции. 2012. № 3–4. С. 62–65.

References

1. Alekseev V.V., Poberezhnikov I.V., Senyavskiy A.S. *Opyt rossiyskikh modernizatsiy. XVIII–XX vv.* [The Experience of Russian Modernization. 18th – 20th Centuries]. Moscow, 2000.
2. Levy M. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton, 1966.
3. Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960.
4. Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, 1966.
5. Sztompka P. *The Sociology of Social Change*. Blackwell. 1993 (Russ. ed.: Shtompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy*. Moscow, 1996).
6. Fursov A. Kapitalizm skvoz' prizmu mir-sistemnogo analiza [Capitalism Through the Prism of the World-Systems Analysis]. Vallerstayn I. *Istoricheskiy kapitalizm* [Historical Capitalism]. Moscow, 2008, pp. 6–72.

7. Vallersteyn I. *Mirosistemnyy analiz. Vvedenie* [World-Systems Analysis. Introduction]. Moscow, 2006.
8. Kagarlitskiy B.Yu. *Periferiyaya imperiya: Rossiya i mirosistema* [Peripheral Empire: Russia and the World-System]. Moscow, 2012.
9. Korelin A.P., Stepanov S.A. *S.Yu. Vitte – finansist, politik, diplomat* [S.Y. Witte: Financier, Politician and Diplomat]. Moscow, 1998.
10. Ronin S. *Inostranny kapital i russkie banki* [Foreign Capital and Russian Banks]. Moscow, 1926.
11. Strumilin S.G. *Ocherki po istorii ekonomiki Rossii* [Essays on the History of Russia's Economy]. Moscow, 1960.
12. Anan'ich B.V., Ganelin R.Sh. *Sergey Yul'evich Vitte i ego vremena* [S.Y. Witte and His Times]. St. Petersburg, 2000.
13. Gregory P. *Ekonomicheskiy rost Rossiyskoy imperii (konets XIX – nachalo XX v.): Novye podschety i otsenki* [Economic Growth of Russian Empire (End of XIX – Beginning of XX Century. New Estimates and Calculations)]. Moscow, 2003.
14. Korelin A.P. S.Yu. Vitte i agrarnyy vopros v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Witte and the Agrarian Question in Russia in the Late 19th and Early 20th Centuries]. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii XIX–XX vv.: Sovremennyy vzglyad* [The Economic History of Russia in the 19th and 20th Centuries: A Modern View]. Moscow, 2001, pp. 524–546.
15. Lyashchenko P.I. *Russkoe zernovoe khozyaystvo v sisteme mirovogo khozyaystva* [Russian Grain Production in the World Economy]. Moscow, 1927.
16. Golitsyn Yu. Chernye dni Peterburgskoy birzhi [The Dark Days of St. Petersburg Stock Exchange]. *Ekspert-Online*, 2008, no. 1(640), 29 December. Available at: http://expert.ru/expert/2009/01/chernue_dni_peterburgskoi_birzhi/ (accessed 13 December 2015).
17. Tugan-Baranovskiy M.I. *Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem* [Russian Factory in the Past and Present]. Kharkov, 1926.
18. Belousov R.A. Gosudarstvennyy byudzhel dorevolutsionnoy Rossii [The State Budget of Pre-Revolutionary Russia]. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii XIX–XX vv.: Sovremennyy vzglyad* [The Economic History of Russia in the 19th and 20th Centuries: A Modern View]. Moscow, 2001, pp. 37–52.
19. *Istoriya Rossii XX – nachala XXI veka* [The History of Russia of the 20th and Early 21st Century]. Ed. by L.V. Milova. Moscow, 2007.
20. Kitanina T.M. Mirovoy agrarnyy krizis i politika Ministerstva finansov Rossii v 1880-kh – nachale 1900-kh gg. (k voprosu o modernizatsii sistemy gosudarstvennykh zakupok) [World's Agrarian Crisis and the Policy of the Ministry of Finance of Russia in the 1880s and Early 1900s (on the Modernization of Public Procurement)]. *Ekonomicheskaya istoriya: ezhegodnik* [Economic History: A Yearbook]. Moscow, 2005, pp. 199–236.
21. Osokina N.V., Suvorov A.S. O roli gosudarstva v protsesse nakopleniya obshchestvennogo kapitala v natsional'noy ekonomike [On the Role of the State in the Process of Social Capital Accumulation in the National Economy]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*, 2010, no. 4, pp. 7–13.
22. Investitsionnyy klimat Rossii (rezul'taty oprosa sushchestvuyushchikh i potentsial'nykh investorov, 2012 g.) [The Investment Climate in Russia (Results of a Survey Among the Existing and Potential Investors, Year 2012)]. *Pravo i investitsii*, 2012, no. 3–4, pp. 62–65.

doi 10.17238/issn2227-6564.2015.6.89

Maksimov Anton Mikhailovich

Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov
2 prosp. Lomonosova, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation; e-mail: amml5nov@yandex.ru

**RUSSIAN TRANSFORMATIONS IN THE LIGHT OF THE MODERNIZATION
AND WORLD-SYSTEMS THEORIES: A COMPARATIVE ANALYSIS EXEMPLIFIED
BY THE INDUSTRIALIZATION OF THE LATE 19th CENTURY**

A critical analysis of the modernization theory as applied to the history of Russian transformations has revealed its limited methodology and application. The world-systems theory allows us to give a more

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

convincing interpretation of the chronic problems of Russia's transition to the society with developed democratic and market institutions. Taking the industrial development of the Russian Empire in the 1890s as an example, the author demonstrates greater research opportunities of the world-systems analysis compared to the modernization approach. In the context of Immanuel Wallerstein's world-systems theory, the structural position of the Russian Empire at the turn of the 19th century can be defined as semi-peripheral. The hypothesis of Russia's semi-peripheral development helps explain both the sporadic economic growth (due to the rapid development of transport infrastructure and certain industries) and the dependence of this process on external factors, in particular the dynamics of foreign capital import and world export prices. The semi-peripheral nature of the economy in the Russian Empire can explain the high level of state participation in the economic system. In the context of limited capital accumulation inside the country and, as a result, small number of market agents, the state acts as a conductor of industrialization and related social transformations by actively intervening with the movement of goods, manpower and capital. This role of the state to some extent accounts for the persistence of authoritarian regime in Russia in the late 19th and early 20th century. The state needed centralized control of export and import operations in order to maintain foreign trade balance and of financial flows and manpower for its infrastructure projects. This hampered the development of market institutions and the political influence of Russian businessmen and the middle class. In addition, the preservation of this kind of political order put significant limitations on the economic growth and reinforced the country's semi-peripheral status.

Keywords: *modernization, world-systems theory, Russian Empire, industrialization, capitalist world-system, peripheral development.*

Контактная информация:

адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2;

e-mail: amm15nov@yandex.ru